

Г. А. Сталинов, А. А. Позаненко

## Лососёвый промысел в полиэтническом селе в условиях неравных прав на доступ к ресурсу

**Георгий Андреевич Сталинов** — преподаватель Факультета социальных наук, аналитик Проектно-учебной лаборатории муниципального управления НИУ ВШЭ. **Адрес:** Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **E-mail:** gstalinov@hse.ru.

**Артемий Алексеевич Позаненко** — старший преподаватель Факультета социальных наук, эксперт Проектно-учебной лаборатории муниципального управления НИУ ВШЭ. **Адрес:** 101000 Москва, ул. Мясницкая, д. 20. **E-mail:** apozenenko@hse.ru.

**Аннотация:** Коренные народы во многих странах получают льготы в сфере природопользования, и исследователи, как и политики, почти единогласно выступают за необходимость расширения их преференций и прав. Соответственно, в полиэтнических сообществах, состоящих из представителей коренных и некоренных народов, несмотря на исходную идентичность условий жизни и хозяйственных укладов, некоренные жители, даже старожилы, оказываются дискриминированы. Несмотря на это, в наших экспедициях мы, как правило, не наблюдаем конфликтов на локальном уровне между коренными и некоренными жителями. В статье на примере одного пространственно изолированного дальневосточного села со смешанным населением описывается устройство лососёвого промысла в сообществе, члены которого привыкли жить на красной рыбе, но при этом не все имеют возможность её легально добывать. Показано, что представители некоренных народов вынуждены либо покинуть село, либо менять свой хозяйственный уклад. Разница в правах между представителями коренных и некоренных народов ведёт как к новым формам кооперации, так и, парадоксальным образом, к возникновению некоторых колониальных практик. Материал собирался в течение девяти дней методами глубинного интервью, наблюдения и включённого наблюдения.

**Ключевые слова:** коренные народы, КМНС, традиционное природопользование, неформальное природопользование, рыбалка, браконьерство, лосось, красная икра.

**Для цитирования:** Сталинов Г. А., Позаненко А. А. Лососёвый промысел в полиэтническом селе в условиях неравных прав на доступ к ресурсу // Пути России. 2024. Т. 2. № 1. С. 39–56.

## Введение

За январь–сентябрь 2023 г. на Дальнем Востоке России рыбопромышленники добыли почти 600 тысяч тонн лососёвых<sup>1</sup>. При этом местное население имеет доступ к лососёвым только на участках для любительского лова, которые есть не везде, и на каждый участок выделяют всего по несколько тонн на сезон. Этого не хватит даже для того, чтобы местные жители заготовили себе рыбы на зиму. Как правило, рыбалка на таких участках платная. Представители коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока (КМНС) могут бесплатно получить индивидуальную квоту на вылов 50–200 кг на человека в зависимости от территории проживания и, соответственно, лова. Этого хватит на еду, но не хватит ни для прокорма собак, ни, тем более, для заработка. В местах с относительно высокой плотностью населения и/или хорошей транспортной доступностью квота меньше, и она может облавливаться только на специально отведённых участках. Коренные жители<sup>2</sup> имеют право объединяться в общины и даже включать в них представителей некоренных этносов. Община может претендовать на получение рыболовного участка для традиционного лова и привязанной к нему общинной квоты (от нескольких тонн до нескольких десятков тонн на участок). В лучшем случае этой квоты хватит на еду и либо на корм собакам, либо на небольшой заработок. При этом количество таких участков ограничено, и у многих общин его нет. Существуют крупные сёла с коренным населением, вблизи которых вовсе не выделено ни одного участка. Более того, многие участки заняты «карманными» (иногда фиктивными, т. е. существующими чисто на бумаге) общинами промышленников и либо используются для промышленного лова, либо не облавливаются совсем<sup>3</sup>.

Таким образом, всё сельское население ограничено в возможностях легального вылова лососёвых. Однако положение представителей КМНС сильно отличается от положения их некоренных односельчан. Коренные, хотя и вынуждены перелавливать выделенные им лимиты, имеют легальный доступ к занятию рыболовством, а некоренным запрещено даже появляться на водоёмах с сетными орудия-

<sup>1</sup> Сведения об улове рыбы и добыче других водных биоресурсов за январь — сентябрь 2023 года // Официальный сайт Федерального агентства по рыболовству. URL: <https://fish.gov.ru/otraslevaya-deyatelnost/ekonomika-otrasli/statistika-i-analitika/> (дата обращения: 18.01.2024).

<sup>2</sup> Здесь и далее под коренными мы будем понимать исключительно представителей КМНС.

<sup>3</sup> Это может делаться как в целях воспроизводства популяции лососей, так и в целях контроля территории и недопуска конкурентов за ресурс.

ми лова. Посёлки, в которых бы жили исключительно представители КМНС, встречаются крайне редко. Почти всегда коренные живут бок о бок с некоренными, которые, особенно старожилы, практически ничем не отличаются от коренных по хозяйственному укладу.

Многочисленные исследователи, выступающие за развитие поддержки коренных народов, редко обращают внимание на дискриминацию некоренных сельских жителей, некоторые лишь вскользь упоминают, что развитие института общин может способствовать включению некоренных в легальный промысел [Davis, Jentoft, 2001]. Редкие противники позитивной дискриминации КМНС вроде Адама Купера [Kuper, 2017] в основном игнорируются или критикуются (например: [Sylvain, 2015]).

До сих пор практически не описано, как преобразуются хозяйственные уклады в сообществах, где некоренные жители потеряли доступ к рыбалке на фоне ужесточения правил и/или контроля. На примере одного населённого пункта мы покажем, как сообщество может выходить из ситуации неравного доступа к добыче ключевых биоресурсов. Описание основано на полевых материалах, собранных в течение 9 дней в одном из дальневосточных сёл. Экспедиция проводилась в рамках череды коммерческих исследовательских проектов, посвящённых оценке социально-экономического положения и объёма ННН-вылова (незаконного, несообщаемого, нерегулируемого) в нескольких промысловых подзонах на Дальнем Востоке. Основные методы сбора материала — глубинные интервью, наблюдение и включённое наблюдение. Дополнительно мы использовали анкеты с вопросами о расходах и доходах домохозяйств, которые почти всегда перетекали в продолжительные полуструктурированные интервью. По возможности мы старались наблюдать за хозяйственными практиками местного населения и иногда даже участвовали в них.

До села один из нас добирался на вездеходе, доставлявшем продукты из районного центра, причём его случайным попутчиком оказался работник приезджей браконьерской бригады. Перед отъездом мы ночевали на родовой рыбалке<sup>4</sup> местных жителей, которые на следующий день в течение нескольких часов по реке везли нас до соседнего села. Мы объехали с коренными жителями на лодке большую часть родовых рыбалок, четыре из них в разные дни подробно осматривали вместе с хозяевами. На одной из ближайших к селу рыбалок, куда мы добирались пешком вместе с рыбаками, в течение всего дня участвовали в хозяйственных делах: строили мост через ручей и были на подхвате в ходе самой рыбалки. С несколькими коренными

<sup>4</sup> Рыбалкой называется постоянный рыболовецкий стан, часто хорошо обустроенный. На нём могут быть избушки для проживания, летние кухни (например, в виде юрты), конструкции для сушки и копчения рыбы, балаганы для её хранения и другие постройки.

жителями мы вместе ловили рыбу на спиннинг. И, наконец, мы присутствовали при финальной стадии производства красной икры в домашнем цеху одного из местных жителей.

Переходя к описанию села и организации рыбалки в нём, считаем необходимым сделать важную оговорку. Несмотря на то, что лов, осуществляемый местными жителями, формально является частично браконьерским, его масштабы не сопоставимы с масштабами промышленного изъятия, и он не способен оказать ощутимого воздействия на популяцию лососей. Бригады, сидящих на нерестилищах и вычерпывающих стоящую там рыбу, в этих местах нет, да и в целом они уже редкость.

## Кратко о селе

Село, хотя и расположено в одном из прибрежных регионов Дальнего Востока России, стоит на реке в отдалении от моря. Летом до районного центра можно раз в неделю улететь на вертолёте (рейсы часто переносятся или отменяются по погодным условиям) или добраться на своём или попутном вездеходе. Пассажирских вездеходных рейсов не существует, такой транспорт используется только для снабжения и ходит нерегулярно. Дорога на вездеходе нелёгкая, она занимает много часов и часто связана с многочисленными ремонтами прямо в пути.

«Ехали мы примерно в таком режиме. Проедем минут 20, затем минут 10 стоим, типа остываем. Был довольно жаркий день, и Виталя<sup>5</sup> всё время жаловался на жару. Сказал, что, кабы знал, поехал бы ночью. Когда остывали, двигатель тоже не глушили. Стоя на нейтралке, он время от времени поддавал газку. [...] По дороге мы несколько раз ломались. В самом начале, минут через 10 после отправления, пошли заменять какие-то прокладки. Затем повалил вонючий дым в кабину. Виталя полез в люк под моим сиденьем, оттуда дыхнуло жаром. Он что-то подкрутил, затем полил туда воды, она тут же закипела и выстрелила обратно на меня. После этого спокойно поехали дальше. Ещё рвались ремни, слетал какой-то барабан, кончалась соляра и др. Регулярно приходилось лезть то в люк этот, то под спальник, то в камеру с двигателем, которая была под моим сиденьем. Везде очень жарко. В этой камере около 80 градусов. Каждый раз Виталя говорил, что жарко как на Бора-Бора («я, правда, там не был») или что-нибудь про баню или механическую баню».

(Из дневника Артемия Позаненко)

<sup>5</sup> Здесь и далее имена изменены.

Зимой путь до районного центра накатывается, и получается неофициальный зимник, по которому могут проехать грузовики и даже внедорожники. Таким образом, село находится в значительной пространственной изоляции [Позаненко, 2017, с. 248].

По дальневосточным меркам это довольно крупное село, в нём живёт несколько сотен человек. Численность населения медленно сокращается, но вымирающим село назвать нельзя. Почти четверть постоянных жителей составляют дети (их больше, чем пенсионеров), отток частично компенсируется притоком как за счёт переселенцев из других населённых пунктов региона, так и за счёт привлекаемых специалистов из других субъектов федерации, в том числе из европейской части России.

Количество рабочих мест немного превышает половину численности трудоспособного населения. Почти все рабочие места, за исключением небольшого сельскохозяйственного предприятия и магазинов, дают бюджетная и околобюджетная сферы и жилищно-коммунальное хозяйство. Помимо этого, несколько десятков человек устраиваются на период пугины на рыбопромышленные предприятия на побережье, ездят на вахты или являются предпринимателями в сфере торговли и перевозок. Небольшая часть рабочих мест занята пенсионерами, но всё равно более половины трудоспособных жителей и подавляющее большинство домохозяйств имеют официальные доходы. Но из-за высоких цен, связанных с чрезвычайно дорогостоящей доставкой, даже северных зарплат не хватает на обеспечение домохозяйства привозными продуктами, одеждой, строительными материалами, ГСМ, самой разнообразной необходимой в таких местах техникой (в первую очередь, снегоходами, квадроциклами, лодочными моторами) и запчастями к ней. Почти все домохозяйства имеют дополнительные неофициальные доходы, а ключевым и наиболее очевидным источником таких доходов является красная рыба, а точнее, красная икра.

«Он рассуждал об изменениях в жизни на селе за последние 30–40 лет. До середины 1995 никто ничего не крал, потом люди начали воровать на выпивку — всё началось с одной гниды. И начался всеобщий разгул. Но теперь снова стабильность, снова оставляют моторы на реке. Дело в том, что 15 лет люди не получали зарплат, только авансы и долги какие-то. Конечно, люди живут и на икре, по его оценке, 30% доходов у людей от икры, понятно, что у всех по-разному, потому что кто-то вообще не работает и живёт только с реки. От икры тоже идёт стабильность — люди сдают сырец, получают деньги, расплачиваются в магазинах за долги. А вот в прошлом году рыбы особо не было, поэтому люди не заработали, долги увеличиваются, а коммерсы всё равно дают в долг, потому что иначе у них просто просрочка будет лежать, а надо оборот держать. Ну и у всех иномарки,

моторы «Ямаха», кроме двух-трёх «Вихрей» — всё это тоже с икры. Сейчас внедорожник с документами в нормальном состоянии привезти («Сурф») — миллион, снегоход — 1,5–2 миллиона, вездеход — 2 миллиона (новый за 6). «Сурф» раньше можно было за 230 тыс. привезти. Икра влияет на покупательную способность. Без икры пришлось бы влезать в кредиты за квадрики. Квадрики, кстати, тоже у всех почти, стоят по 800 тыс. рублей».

(Из дневника Георгия Сталинова)

В промысле участвуют целыми семьями, включая детей и стариков. Охотой местные жители занимаются, но почти исключительно для собственного потребления. Огороды есть у всех, в том числе весьма капитальные, с большими картофельными полями и отапливаемыми теплицами. Этому способствует навоз от полуодичавших совхозных лошадей. Другой скотины и даже птицы в селе нет.

Село принято считать «национальным», и коренные действительно составляют большинство населения. Тем не менее, есть семьи, в которых нет ни одного представителя КМНС. Общины в селе есть, но ни у одной из них нет официально закреплённого рыболовного участка для традиционного лова, поскольку в окрестностях села в принципе такие участки не выделены<sup>6</sup>. Следовательно, общинные квоты на вылов лососёвых никому не выделяются. Некоторые общины рыбачат исключительно под прикрытием индивидуальных квот, одна община создана выходцами из села, которые живут и рыбачат в другом месте, некоторые общины существуют только на бумаге. Примечательно, что о части из них никто из опрошенных нами местных, включая главу села, никогда не слышал, несмотря на то, что они фигурируют в списке официально зарегистрированных в селе общин, размещённом на сайте районной администрации. Председателем одной из фиктивных общин является приезжий браконьер, даже не являющийся представителем КМНС. В прошлом он собирал бригаду и приезжал в окрестности села на рыбалку, прикрываясь статусом коренной общины, поскольку к коренным контролирующим инстанциям относятся лояльнее. Тем не менее, несколько лет назад он перегнул палку, попался инспекторам и в итоге покинул село.

Некоренным жителям всего Дальнего Востока вылов лосося был запрещён ещё в 1958 году [Вахрин, 2018, с. 14]. Позднее в некоторых малонаселённых и труднодоступных районах исключение было сделано для старожилов. Впрочем, до самых изолированных сёл, к которым относится и наше, рыбинспекция добиралась редко как в

<sup>6</sup> Ближайший находится в нескольких десятках километров и взят в пользование фиктивной общиной, зарегистрированной в другом селе. Фактически он контролируется рыбопромышленниками, которые его не облавливают в целях роста популяции лосося.

советское время, так и, тем более, в постсоветское. Поэтому разница в правах между коренными и некоренными в таких местах стала ощущаться только недавно, когда отменили льготы для старожилов, и появился контроль.

## Устройство промысла и родовой рыбалки

Поскольку село находится вдали от моря, лососёвым рыболовством местные жители занимаются только на реках. Лососей ловят с начала лета до конца осени, наиболее активно — в июле-августе в период рунного хода горбуши. Других рыб (например, хариуса и гольца) тоже ловят, но их трудно добыть в достаточном количестве для семьи и, тем более, собак. Поэтому основной рыбой в этих местах всегда считался лосось. Основной вид его заготовки — юкола, то есть сушёная рыба. Традиционно её не солят и не коптят (хотя в последнее время, как правило, солят, а иногда и коптят), из туши вырезают голову и хребет, оставляя два пласта (филе), соединённых хвостом, за который её и подвешивают на юкольниках — конструкциях из жердей. Для собак иногда просто разрезают от жабер до хвоста и сушат прямо с головой, причём преимущественно самок, более жирных и вкусных самцов люди сушат для себя. Рыба сохнет на ветру, после чего её складывают в балаганы — сараи на длинных деревянных ножках, куда не может забраться медведь. Собаки живут почти исключительно на рыбе, и для них заготавливают корм из расчёта 1–2 горбуши («хвоста») в день, то есть в сыром виде вылавливают 440–880 кг<sup>7</sup> лососей только на собаку, а их в домохозяйстве нередко две-три, а иногда и больше. Икру также могут сушить для собак, но это редкость, исторически икра — такой же отход, как и потроха, и при нас местные жители несколько раз выбрасывали икру в реку, когда разделявали одну-две рыбины «на жарёху» (чтобы приготовить прямо сейчас). Многие едят икру один раз в год, на праздник первой рыбы, когда до села доходят первые в сезоне лососи. Нерку, самую яркую и привлекательную на витринах красную рыбу, многие коренные жители есть опасаются, так как ей можно отравиться, если не проморозить её в течение нескольких дней. Традиционный способ заготовки квашеной рыбы в кислых ямах почти утрачен или же заменён заготовкой пресервов из филе в масле и специях.

За исключением спиннинговой рыбалки «на жарёху» и ради развлечения, местные жители ведут промысел исключительно с помощью закидного невода. Это прямоугольная сеть высотой 1–2 метра

<sup>7</sup> Самка горбуши весит около 1,2 кг.

и длиной 25–100 метров, один конец которой привязывается к лодке, а другой постоянно находится на берегу. По волнам на поверхности рыбаки видят поднимающийся по реке косяк рыбы, лодочник на моторе вытягивает сетку поперек реки и, спускаясь по течению, затягивает петлю в сторону берега, вытягивая косяк рыбы. За один замёт во время рунного хода горбуши можно вытащить несколько центнеров, а иногда и несколько тонн рыбы (т. е. за один замёт разрешённым орудием лова можно вытащить в несколько раз больше рыбы, чем дозволено добыть по квоте за весь сезон). Рыбу придётся выкидывать из воды на берег и разделывать в течение нескольких часов. Поэтому за день бригада, обычно состоящая из 3–4 человек, успевает сделать не более двух замётов. Как правило, рыбу глушат палкой, чтобы она не умирала мучительно, и только потом потрошат. Некоторые рыбаки уже оглушённую рыбу оставляют под водой на ночь, после чего мясо становится мягче, его удобнее разделывать и оно ещё нежнее на вкус. Для этого используют ивовые жерди с рогаткой на конце, называемые куканами, на них через жабры насаживают лососей и топят вместе с мешком-грузилом. Ива на рыбалке вообще универсальный материал: из неё можно сделать мостик через ручей или канаву, на ивовый прутик насаживают рыбу, если её надо куда-то отнести, из ивовых веток с листьями делают «скатерть», на которую складывают разделываемую рыбу, из неё сделаны юкольники и дубинки, которыми убивают рыбу.

При заготовке икры избыточную рыбу выбрасывают. Икру складывают в отдельную тару: пластмассовые кубики («паки» или «рапаки») или фляги. Её легко можно испортить, и солить её умеют не все. Это, наряду со сложностями сбыта, становится причиной, почему многие рыбаки не производят икру на продажу, а сдают её скупщику сырцом. Начать переработку икры желательно в течение нескольких часов, поэтому икру скупщикам отвозят вечером или ночью после промыслового дня. Тузлук, соляной раствор, варят в двухсотлитровой бочке, в воду добавляется около 70 кг соли. Одной бочки тузлука хватает на засолку 80–100 литров икры. Перед засолкой её промывают, грохочут (просеивают) через металлическое или верёвочное сито. Далее икра скатывается по марле в воду, и порциями примерно по 20 кг в марле её опускают на несколько минут в тузлук. До того, как консерванты и морозильные шкафы появились в открытой продаже, икру солили больше 10 минут (до получаса), даже не засекая время, и она не портилась за счёт обилия соли. Потребителям, не любящим пересоленную икру, приходилось её отмачивать в пиве или чае. Сейчас покупатель ценит только малосол, поэтому тузлуют в среднем 6–7 минут. Для себя — вовсе 4–5 минут без всяких консервантов, после чего морозят в маленьких баночках по 100–150 грамм, чтобы порционно доставать к столу. Такая икра называется пятиминуткой. После тузлука марлевые мешки кладут «на стечку», чтобы ушла лишняя влага. Перед упаковкой на этапе, называемом инспекционным сто-



лом или телевизором, икру под лампой очищают от кровинки, «лопанцев» (лопнувших икринок), «канатиков» (остатков ястыка), комаров и прочего мусора. Учитывая объём заготовки, многие очищают икру небрежно. Вкусовые качества и структура икры так сильно зависят от заготовщика, что скупщики в селе, как правило, не принимают готовую икру и засаливают её самостоятельно. А городские скупщики, продающие икру на рынке, иногда даже перемывают готовую икру и засаливают заново под вкус своих покупателей.

«С утра пришли к нему в цех, это ещё одно помещение отдельное чисто под икру. Проходишь через повешенную в дверной проём простыню — она должна защищать от насекомых. По правую сторону стоят паки и канистры с тузлуком. Проходишь до конца, и налево разворачивается помещение для заготовки икры. Пол обит линолеумом, который забирается и на стены, а дальше переходит в плёнку. Посередине висит яркая светодиодная лампа типа тех, что вешают в больницах. Под ней в момент нашего прихода находилось корыто на высоких ножках — подобие инспекционного стола. Сам он был в фартуке на голое тело. По левой стене не было ничего, только из неё торчали душ и смеситель, под которым он промывал руки. Вдоль правой стены тянулась полка, на которой стоял полупак с мыльной водой, а также 3–4 пластмассовых решетчатых ящика, в такие на рынке выкладывают овощи. Только в этих была икра в марле. Вдоль дальней стенки на полках стояли мытые полупаки. В ящиках икра оставалась на стечке после тузлука. Он привёз икру вчера вечером, прогрохотал и засолит её, оставил стекать, лёг в 3 часа ночи, а с утра встал чистить и расфасовывать икру. При нас он брал из ящика марлю с пластом икры, вываливал икру из марли в корыто посреди комнаты. Икра не сыпалась, а, словно пластилин, сваливалась куском. Дальше он руками её ворошил в поисках лишнего, вытаскивал комаров и вытирал их об борт корыта. После очистки икры он брал полупак, пару раз бил им по полке, стряхивая воду, и через вырез в дальнем от нас коротком борту корыта сваливал икру в полупак, плотно закрывал его и относил за пределы помещения. Потом он макал руки в мыльную воду, вытирал их марлей и повторял всю операцию снова».

(Из дневника Георгия Сталинова)

Сушкой и копчением рыбы обычно занимаются на рыбалках, а икру чаще солят в селе, хотя рыбалки с оборудованными икорными цехами тоже встречаются. У каждого семейства своя родовая рыбалка, и местные жители порой знают наизусть все действующие рыбалки по фамилиям их владельцев. На реках существуют неофициальные границы, за которыми начинаются родовые рыбалки других посёлков. Иногда рыбалки нескольких родственных семей собраны в агломерации, которые выглядят как небольшие поселения. Почти

всегда на рыбалке есть дом для ночлега, балаган на высоких ножках для хранения ююлы, открытый ююльник для собак и обнесённый сетью от птиц и мух, крытый ююльник для людей. Отдельно могут быть организованы и другие ююльники с более мелкой москитной сеткой, летние кухни, бани, отдельные спальные домики и палатки. Природные строительные материалы ограничены, и только редко на зажиточных рыбалках можно увидеть сруб. Из-за изоляции пиломатериалы тоже дороги, поэтому на рыбалках часто строятся из разобраных в селе заброшенных зданий.

## Жизнь села в период рыбалки

Рыбалку контролируют командированные инспекторы Росрыболовства (ФАР) при поддержке охранников рыбодобывающего предприятия, располагающегося на побережье неподалёку от устья той же реки. Они приезжают на лето и живут в двух лагерях на удалении друг от друга, а рыбинспекторы перемещаются между ними, патрулируют окрестности и проверяют документы и улов рыбаков. Они в большей степени нацелены на борьбу с криминальным браконьерством, то есть с заезжими бригадами, заготавливающими только икру [Шевляков, 2013]. В период нашего исследования с местными жителями соседствовала лишь одна такая бригада, за которой вели охоту инспекторы. Её бригадир, выходец из одной из стран СНГ, но давно проживающий в другом селе этого района, боялся выезжать на свою постоянную рыбалку, но, по словам наших информантов, получил от кого-то из местных неформальное разрешение вести промысел вблизи его родовой рыбалки. Сам он оставался в селе, но его бригада сидела где-то на реке. При этом все информанты были недовольны тем, что бригада выбрасывает много рыбы в реки, чем привлекла внимание инспекторов ФАР к селу, некоторые даже собирались сдать бригаду инспекторам при возможности.

Для коренных жителей, имеющих индивидуальные квоты на вылов, рыбалка разрешена только с четверга по воскресенье включительно, в остальные «проходные» дни недели рыба должна беспрепятственно проходить на нерест. На превышение объёма вылова инспекторы в рыбные годы закрывают глаза и в основном следят за соблюдением проходных дней, заботясь о заполняемости нерестилищ.

Этот режим задаёт ритм жизни всего села. Активно ловить начинают прямо в полночь со среды на четверг (а иногда и в среду вечером), так что с утра четверга можно уже заготавливать ююлу, а заканчивают только к ночи на понедельник, и первый проходной день тоже уходит на заготовку. С четверга по воскресенье большая

часть населения находится на рыбалках, по реке в разные стороны снуют моторные лодки. Ночью по селу почти непрерывно гоняют внедорожники: люди возят икру, соль и тару для заготовки, рыбаки продают сырец скупщикам. Напротив, в проходные дни по ночам село мирно спит. Один из нас ежедневно по ночам выходил на улицу поговорить по телефону. Приведём его наблюдения.

«Суббота. В 2 часа ночи выходил поговорить по телефону. Село вообще не спит. Постоянно мимо проходили люди, проезжали на квадрике. В основном молодёжь, но не только.

Воскресенье. В час ночи вышел поговорить по телефону. Село было чуть ли не живее, чем днём. Я посчитал, что внедорожники проезжали мимо нашего дома примерно раз в 2–3 минуты (один из них дважды с каким-то прожектором, который освещал буквально всё село и светил на километр, не меньше), люди сновали туда-сюда. Было слышно, как по реке проезжают лодки. Магазин в двухэтажке наискосок от нашего крыльца был открыт. Там горел свет и что-то делали две женщины — ходили из торгового зала на склад и обратно. Может, конечно, раскладывали привезённый товар перед рабочим днём, но почему ночью? Потому что днём не могли, поскольку были на рыбалке, вероятно.

Понедельник. Ночью вышел поговорить по телефону. Около часа. В итоге три ночи подряд я был на улице в одно время. В предыдущие два дня село ночью бурлило. Накануне внедорожники проезжали каждые 2–3 минуты. Сегодня же за 40 минут не проехало ни одного (только когда я обувался, один). Был один велосипедист с фонарём на лбу, компания из четверых молодых парней и два одиночных пешехода. В прежние дни пешеходов тоже было больше, плюс были квадроциклисты.

Вторник. Ночью опять примерно в то же время пошёл поговорить по телефону. Не было ни одной машины и ни одного прохожего».

(Из дневника Артемия Позаненко)

И только в ночь со среды на четверг люди стали вновь появляться, но и тогда их ещё было мало, а единственным происшествием стала неудачная попытка выпившего мужчины забраться по стремянке на второй этаж к своей бывшей.

В дни рыбалки трудоустроенные, если не находятся в отпуске, стараются уйти с работы как можно раньше, чтобы отправиться на рыбалку. Многие семьи переезжают на родовую рыбалку на весь тёплый сезон, чтобы на природе отдохнуть от суеты, там же проводят лето внуки и племянники, отправленные на лето в деревню. Детей с ранних лет привлекают к рыболовному промыслу, который позволяет запросто заработать на телефон или велосипед. Так передаются навыки и традиции. Тринадцатилетний мальчик, на рыбалке семьи которого мы были, уже умел различать лодочные моторы на слух («О, сороковка поехала! О, тридцатка!»). Семьи, живущие на рыбалке

постоянно, отправляют в один из проходных дней гонца за продуктами. Местная пекарня в дни рыбалки печёт мало хлеба, зато перед рыбалкой люди закупают по десять буханок хлеба впрок. С утра в магазин выстраивается очередь из десятков людей, и через час после открытия хлеба уже нет. В проходные дни в селе в несколько раз больше лодок, чем в промысловые. Иными словами, проходные дни действительно соблюдаются, и только люди на самых отдалённых рыбалках позволяют себе риск половить в проходной день.

Примечательно, что рядом с селом создан участок для любительского лова, который арендовало упоминавшееся выше рыбопромышленное предприятие. Лицензии на ловлю спиннингом там (по крайней мере, пока) раздаются бесплатно, но жители к лицензионному лову не привыкли, и лицензию пока не брал никто. На такой лов проходные дни не распространяются, но люди этого не знают, и многие в эти дни опасаются ловить даже на спиннинг, а кто решается, считают себя чуть ли не бунтарями.

«На берегу увидели бабушку, ловащую на спиннинг, несмотря на проходной день. Подошли, она почти сразу вытащила горбача<sup>8</sup> и убрала к себе в рюкзак. Это был уже четвёртый или пятый. На тот момент, по её словам, она ловила около двух часов. Очень бойкая, хотя на лицо довольно старая. Выяснилось, что ей в следующем году будет 70, но я бы чисто по внешности дал больше лет на 10. Зовут баба Рита. Она «обманывала» рыбу, лова на корточках и подходя к реке согнувшись в поясе под прямым углом. Весёлая и почти глухая. Сказала, что Путин хороший, но он не знает, что она хочет кушать, и потому установлены такие дурацкие правила для рыбалки. Тем не менее, для неё нет проходных дней, и никто не посмеет её тронуть. Более того, у неё даже нет билета<sup>9</sup>, несмотря на то, что она коренная. Когда Гоша заговорил о том, что у него с собой спиннинг, она уговорила его тоже порыбачить, сказав, что она «разрешает», за спиннинг никто штрафовать не будет, рыбников увидим издалека. Гоша стал ловить, первое время ничего не попадалось. Баба Рита стала восклицать: «О, да ты, оказывается, ловить не умеешь», хотя ей самой тоже ничего не попадалось. Но, в итоге, Гоша вытащил горбача за горб. Вскоре бабе Рите позвонила знакомая, а потом и подошла. Это была сотрудница детского сада, которая пришла за рыбой для детей. Она разделала все рыбы тупым баба Ритиным ножом. Молоки выкидывала. Одну рыбу разделала для нас на пласты (не осталось ни хребта, ни головы). Когда она ушла, рыбалка продолжилась. Гоша поймал ещё 3 или 4 горбача (большинство из них не брали наживку, а просто цеплялись горбом)

<sup>8</sup> Самца горбуши.

<sup>9</sup> Индивидуальной квоты.

и одного гольца. Суммарно, наверное, за час чистой рыбалки. Самки не попались ни разу ни ему, ни ей. Все остальные рыбины мы уже отдавали бабе Рите. Ниже по реке ещё двое ловили на спиннинг, а в другом месте девушка довольно долго разделявала на берегу рыбу. Баба Рита рыбачит каждый день, это её любимое занятие, к тому же нужно кормить трёх собак, а живёт она одна».

(Из дневника Артемия Позаненко)

Ближе к сентябрю, когда заканчивается рунный ход основных промысловых видов, рыбинспекция уезжает. Соответственно, осенью, когда ещё идёт кижуч, рыбачить можно практически свободно, однако объёмы возможного вылова в это время несопоставимо ниже.

## Разделение труда между коренными и некоренными

Те, у кого в семье нет представителей КМНС, легально могли бы ловить красную рыбу только на спиннинг на участке для любительского лова, если бы взяли там лицензию. Тем не менее, у этих семей тоже есть родовые рыбалки, на которых они — иногда в нескольких поколениях — ловят рыбу. Несмотря на то, что во время нашего исследования инспекторы неформально разрешили вести промысел и некоренным, люди в это не очень верили и всё равно опасались появляться на реке, так как в прошлые годы некоренных, если ловили с поличным, штрафовали, а коренным в случае зафиксированного перелова, могли закрыть квоту. Теперь же инспекторы требуют от местных только чисто вести промысел и штрафуют лишь за нарушение проходных дней и выброшенную рыбу.

«В этом году одну рыбалку закрыли, потому что её владельца остановили на реке с 4 вёдрами икры в лодке. Рыбник спросил: «А где рыба?» Поехали на рыбалку смотреть, юколу искать. 40 литров икры — значит, должно быть 800 кг рыбы. Юколы не было, поэтому рыбник разозлился, закрыл билет человеку, выписал штраф в 5000 как предупреждение, запретил заниматься рыбалкой, иначе возьмётся за него строго».

(Из дневника Георгия Сталинова)

Один наш русский информант рассказывал, что в прошлом году он на рыбалке был, но лодку свою сразу прятал по приезде, а при звуке мотора уходил в лес, оставляя на берегу жену с ребёнком — они говорили, что отец на работе. Три раза так пришлось делать за всё лето. От коренных, причём не только в этом селе, мы слышали, как надо

обустроить рыбалки, чтобы инспекторы были довольны. Достаточно лишь развесить рыбу на юкольниках прямо у воды, а икру перерабатывать не на виду. Воплощение этого представления инспекторов о традиционном промысле порой выглядит карикатурно: например, у воды висит рыба для инспекторов, которую почти до костей съели личинки мух, а лишняя рыба порционно выкинута в боковые протоки. Настоящие рыбные заготовки при этом всё равно делаются. Поближе к жилью стоят собачьи юкольники, с которых рыбу снимают вовремя, а рыба для людей коптится над обустроенным костром или сушится на крытом юкольнике за москитной сеткой. Показательно, что свои квоты коренные здесь называют не квотами и не лимитами, а билетами, то есть рассматривают их как билет на речку, по которому уже можно ловить сколько угодно.

Некоренные жители, опасаясь выезжать на свои родовые рыбалки, всё равно стараются заготовить себе рыбы на зиму. Они либо дожидаются осени и отъезда рыбинспекции, либо потихоньку ловят вне рыбалок, либо договариваются со своими коренными знакомыми, чтобы те пустили их порыбачить с ними на их рыбалке. Как бы там ни было, отмена квот для старожилов и приезд инспекции сказались на доходах многих некоренных. Некоторые переезжают, так как без дополнительных доходов и достаточных заготовок на зиму жизнь в селе обходится слишком дорого, некоторые занимаются предпринимательством. Основные занятия предпринимателей, в том числе неофициальных, это перевозка продуктов на вездеходах и грузовиках, торговля, а также скупка сырца и засолка икры для реализации в региональной столице или, реже, в других регионах. Один из местных некоренных скупщиков, бывший бригадир неформальной рыболовецкой бригады, признавался нам, что, если с икрой власти станут сильнее прижимать, он уедет с Дальнего Востока. Себя он называл «частным предпринимателем, который, скупая сырец, не даёт людям сдохнуть с голоду».

На момент нашего пребывания в селе было в пределах десяти точек скупки и последующей переработки икры. Три-четыре из них были организованы сезонными приезжими из разных регионов, имеющими тут корни или хорошие знакомства. Все они не имели отношения к КМНС. Но и среди остальных, местных, скупщиков к КМНС относились всего один или два. Рыбалкой никто из скупщиков не занимался. Перерабатывать икру в пределах частного домовладения не так рискованно, как заниматься рыбалкой без разрешения, потому что инспекторы ФАР не работают внутри населённого пункта и не могут заходить на частную территорию без разрешения.

Цена сырой икры, в зависимости от скупщика и чистоты товара, составляет 200–250 рублей за килограмм (в недавнем прошлом — 100), а готовая икра стоит около 3500 рублей за килограмм при оптовой продаже в городе. На первый взгляд может показаться, что сдавать

сырец за бесценок безрассудно, однако всё не так просто. Не все готовы самостоятельно заниматься производством и сбытом икры. Для икорного цеха нужно выделить или построить отдельное помещение с водо- и электроснабжением, оборудовать бочку для варки тузлука, заранее закупить и завезти пластмассовую тару, несколько центнеров соли и промышленную морозилку для хранения икры. Вывоз икры до города связан с риском потерять товар, все вложения и получить крупный штраф в случае, если товар обнаружат правоохранительные органы. Наконец, если заказчик находится не в районном центре, нужны связи в авиационной или морской логистике и деньги для перевозки икры, а также связи в городе для её сбыта. До сих пор существует канал сбыта через «геологов», которые работают на окрестных месторождениях, но в последнее время его стали зажимать, и объёмы такого сбыта сократились. Как правило, те, кто не занимается скупкой, берутся за засолку большой партии икры только в том случае, если у них появится конкретный заказ на конкретный объём. К тому же не все умеют солить икру и, тем более, добиваться из раза в раз стабильного результата.

Сдавать сырец — это просто и не хлопотно. При хорошем ходе рыбы семья может за день заготовить 10–20 вёдер сырца и тут же заработать от 20 до 50 тыс. руб. За путину так можно получить несколько сотен тыс. руб. Примечательно, что не у всех заготовщиков сырца появляется избыточная рыба, которую приходится выбрасывать. Если семья большая и, главное, если в ней много собак, то рыбы приходится выловить настолько много, что необходимости в дополнительной икорной рыбалке не возникает. В таком случае икра фактически становится побочным продуктом заготовок рыбы, дополнительным заработком.

Фактором, ограничивающим икорную рыбалку, являются возможности переработки и сбыта, которые есть у скупщиков. Например, если у них кончится соль, которую до конца путины в любом случае негде будет достать, они физически не смогут продолжать принимать икру. Нам рассказывали о случаях, когда в рыбный год скупщики прекращали приём, и людям приходилось выбрасывать привезённую икру. Кто-то в отчаянии бросил ведро с икрой рядом с дорогой прямо в селе.

Помимо скупщиков, в селе есть ещё и, скажем так, инвесторы. Мы знаем, по крайней мере, о двух скупщиках (один из них, а может быть, и оба, из числа КМНС), у которых не хватает денег на подготовку к путине и, собственно, скупку. Они занимают денег у знакомых, а потом делятся с ними выручкой. Случается, что инвесторы после путины получают в несколько раз больше, чем они вложили.

То, что большинство скупщиков, в том числе среди местных, являются некоренными, можно объяснить двумя причинами. Во-первых, они, в отличие от коренных, оказались вытеснены с реки (все местные

скупщики бывшие рыбаки). Во-вторых, у некоренных, как правило, больше связей в логистике, городе и других регионах, что делает возможным сбыт.

\* \* \*

Утрата прав старожилов и ужесточение контроля вынудили некоренных жителей рассматриваемого села менять свой хозяйственный уклад, который до недавнего времени был практически идентичен укладу коренных. Сильнее всего оказались затронуты семьи, в которых нет ни одного представителя КМНС, поскольку они полностью лишились «билетов на речку». Они оказались перед выбором: либо покинуть село, либо искать новые заработки. Одним из таких заработков может быть скупка сырца. Если сильно утрировать, то сегодня в области рыбалки коренные занимаются собственно ловом и заготовкой сырца, а некоренные — его скупкой, засолкой и дальнейшей реализацией. В этом можно углядеть признаки рассеянной мануфактуры (Кордонский, Плюснин, 2018), организованной по этническому признаку, но, особенно с учётом наличия приезжих скупщиков и бросовой цены сырца, это больше напоминает колониальные практики скупки ценных ресурсов у коренного населения с целью дальнейшей перепродажи. Парадоксально, что возникновение таких практик стимулируется деколонизационной политикой по выделению КМНС в привилегированную группу.



## Литература

1. Вахрин С. И. Массовое браконьерство на камчатских нерестовых лососевых реках. — Владивосток: ОАО «ИПК «Дальпресс», 2018.
2. Кордонский С. Г., Плюснин Ю. М. Архаические экономические институты: распределенные мануфактуры в малых городах России // Мир России. 2018. Т. 27. № 4. С. 6–30.
3. Позаненко А. А. Пространственная изоляция и устойчивость локальных сообществ: к развитию существующих подходов // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2017. № 40. С. 244–255.
4. Шевляков Е. А. Структура и динамика нелегального берегового промысла тихоокеанских лососей в Камчатском регионе в современный период // Рыбное хозяйство. 2013. № 2. С. 58–64.
5. Davis A., Jentoft S. The challenge and the promise of indigenous peoples' fishing rights — from dependency to agency // Marine policy. 2001. Vol. 25. No. 3. P. 223–237.
6. Kuper A. The reinvention of primitive society: transformations of a myth. New York: Routledge, 2017.
7. Sylvain R. Foragers and fictions in the Kalahari: Indigenous identities and the politics of deconstruction // Anthropological Theory. 2015. Vol. 15. No. 2. P. 158–178.

Georgy Stalinov, Artemy Pozanenko

## Salmon fishery under unequal rights. The case of a multiethnic village

**Georgy Stalinov** — HSE University. **Address:** 101000 Moscow, 20 Myasnitskaya Ulitsa. **E-mail:** gstalinov@hse.ru.

**Artemy Pozanenko** — HSE University. **Address:** 101000 Moscow, 20 Myasnitskaya Ulitsa **E-mail:** apozenko@hse.ru.

**Abstract:** Indigenous peoples in many countries receive benefits in the field of using natural resources, and researchers, as well as politicians, almost unanimously advocate the need to expand their preferences and rights. Accordingly, in multiethnic communities consisting of representatives of indigenous and non-indigenous peoples, despite the initial identity of living conditions and economic patterns, non-indigenous residents, even old-timers, are discriminated against. Despite this, in our expeditions, as a rule, we do not observe conflicts at the local level between indigenous and non-indigenous people. Using the example of one spatially isolated Far Eastern village with a mixed population, the article describes the structure of salmon fishing in a community whose members are used to living on red fish, but not everyone has the opportunity to legally extract it. It is shown that non-indigenous residents are forced to either leave the village or change their economic structure. The difference in rights between indigenous and non-indigenous peoples leads both to new forms of cooperation and, paradoxically, to the emergence of some colonial practices. The material was collected over nine days using methods of in-depth interview, observation and participant observation.

**Keywords:** indigenous peoples, traditional natural resource use, informal natural resource use, fishing, poaching, salmon, red roe.

### References

1. *Davis A., Jentoft S.* (2001) The challenge and the promise of indigenous peoples' fishing rights — from dependency to agency // *Marine policy*. Vol. 25. No. 3.: 223–237.
2. *Kordonskij S.G., Plyusnin YU.M.* (2018) Arhaicheskie ekonomicheskie instituty: raspredelennye manufakturny v malyh gorodah Rossii // *Mir Rossii*. T. 27. № 4: 6–30. (In Russ.)
3. *Kuper A.* (2017) *The reinvention of primitive society: transformations of a myth*. New York: Routledge.
4. *Pozanenko A.A.* (2017) Prostranstvennaya izolyaciya i ustojchivost' lokal'nyh soobshchestv: k razvitiyu sushchestvuyushchih podhodov // *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya*. № 40: 244–255. (In Russ.)
5. *Shevlyakov E.A.* (2013) Struktura i dinamika nelegal'nogo beregovogo promysla tihookeanskih lososej v Kamchatskom regione v sovremennyj period // *Rybnoe hozyajstvo*. № 2: 58–64. (In Russ.)
6. *Sylvain R.* (2015) Foragers and fictions in the Kalahari: Indigenous identities and the politics of deconstruction // *Anthropological Theory*. Vol. 15. No. 2: 158–178.
7. *Vahrin S.I.* (2018) Massovoe brakon'erstvo na kamchatskih nerestovyh lososevyh rekah. — Vladivostok: OAO «IPK «Dal'press». (In Russ.)